

Юрий Коваль

**Нынче
здесь,
завтра
там**

Круиз-97

Юрий Коваль

**Нынче здесь,
завтра там. Круиз-97**

«Издательские решения»

Коваль Ю. Н.

Нынче здесь, завтра там. Круиз-97 / Ю. Н. Коваль —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832905-0

Советский журналист отправляется в круиз по странам Западной Европы. На теплоходе «Астра-1» под флагом Панамы плывут россияне — туристы, артисты, переводчики, официанты. Им выпало жить на сломе двух эпох, в смутное время.

ISBN 978-5-44-832905-0

© Коваль Ю. Н.
© Издательские решения

Содержание

1 июня 1997 года	6
2 июня	7
3, 4, 5 июня	8
6 июня	10
7 июня	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Нынче здесь, завтра там Круиз-97 Юрий Никифорович Коваль

© Юрий Никифорович Коваль, 2016

ISBN 978-5-4483-2905-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 1997 году мне удалось схватить за хвост удачу: я побывал в круизе. Со мной была «записная книжка» – диктофон Panasonic и фотоаппарат Nikon.

Все началось

1 июня 1997 года Из окна 39-го

Фирменный поезд №39 «Уфа – Москва» отправляется в первопрестольную точно по расписанию. В вагоне чистота. На столиках чайный сервиз и искусственные цветы. Ветер полощет фирменные занавески. Без единого пятна. В купе, как в дивном сне, болтаются плечики для одежды. Раздавленный вниманием и заботой, ты плюхаешься на нижнюю полку и мысленно восклицаешь: «Боже мой, за что мне вся эта благодать?!» Потом припоминаешь, что за этот неказистый, простенький уют ты выложил из своего кармана немалые деньги, и умиление пропадает.

Из динамика сквозь хрипы прорываются песни на английском, рекламное лопотание, пророчества и прогнозы. Это одна из местных радиостанций шумно и крикливо демонстрирует свою энергию и напор. Но вот ее догадались вырубить, и стало вдруг понятно, какое это блаженство – тишина.

Многие улеглись спать, поезда умеют укачивать своих пассажиров. В соседнем купе – дверь нараспашку – на матрацах без простыни богатырски распластались с глубокого похмелья два молодых мужика. Темные помятые лица. У того, что посуше, синяк под глазом. Мужики расположились просторно, широко. Сбегают в ресторан – и на полку. На станциях в вагон входили новые пассажиры. Проводники искали для них свободные места. От купе, где храпели выпивохи, все шарахались. Известное дело: на Руси пьяный мужик – привилегированное сословие. Кому уступают место в трамвае? То-то.

А за окном грустный, хватающий за сердце российский пейзаж: заросшая кувшинками и травой речушка, кладбище с покосившимися крестами, неровный деревянный забор с глиняными горшками и пестрыми половиками, штабеля шпал вдоль железнодорожного полотна, полуразвалившийся дом – около него сидят на бревне и о чем-то молчат четыре бабы... И вдруг – огромные заросли густой сирени. Красотища необыкновенная, знать, не ступала сюда нога человека.

На кирпичных заборах и стенах привокзальных домов – надписи: «СССР – оплот мира», «Долой власть российских проститутток», «Хочешь быть сытым – смотри демократический телевизор».

2 июня

На Казанском вокзале и в метро

Мелькают светлые праздничные купола церквей. Церкви восстанавливаются, встают из праха. И возводятся совсем иные «храмы» – банки. Церкви и банки – два символа современной России. Как-то будут они сосуществовать – корысть, расчет, накопительство и вечная устремленность человека ввысь, к небесам?

На рязанском вокзале увидел табличку: «Константиново – 20 километров». Вспомнил уфимского художника Александра Бурзянцева, он только что отошел в мир иной. Бурзянцеву, кажется, хорошо работалось на родине Есенина. Он любил здесь бывать. На станции Дивово на изуродованном постаменте – одинокий Владимир Ильич с откушенным носом. Никому до него нет дела.

А динамик снова прорвало. На этот раз он разухабисто и лихо выдавал: «...для народа в любое время года, и в зной, и в непогоду, – самогон и конопля. Оп-ля».

Я неожиданно вспомнил негромкого Юрия Кукина: «Где ты, мой добрый волшебник? Я до сих пор не летаю. И невидимкой не стать мне. И неразменных нет денег».

Казанский вокзал. Он всегда походил на растревоженный муравейник, теперь, когда его принялись реконструировать, – это разноязыкий сумасшедший дом, в котором очень легко заблудиться. Неподалеку от нашего поезда выясняли отношения, употребляя изысканный русский мат, два носильщика – один из них вторгся на территорию другого. Молодой здоровый детина-милиционер куда-то тащил едва ли не за шиворот одетую в разноцветное тряпье, худую, размалеванную замарашку, девчонку-проститутку. Москва Юрия Второго (Лужкова) показывала свою изнанку.

В метро – приятное наблюдение. В вагон вошла сгорбленная старушка, крепко сжимающая скрюченными пальцами ручку коляски с мешком. Белобрысый парень с заклеенной лейкопластырем шеей и барышня в модных туфлях, похожих на БТР, как только заметили ее, вмиг соскочили со своих мест.

У двери вагона стояла длинноногая газель. Ногти на руках выкрашены черным лаком. Уши заткнуты наушниками от аудиоплеера. Глаза полузакрываются. Сосредоточенно жует резинку. «Ничего не вижу, ничего не слышу. Ничего никому не скажу». Вся в наркотических звуках. В вагоне только ее телесная оболочка. Сама она умчалась в невесть какие дали.

3, 4, 5 июня Стольный град вчера и сегодня (Глазами транзитного пассажира)

Москва... Ее можно в сердцах называть большой деревней, проходным двором. Но оставаться к ней равнодушным невозможно. За последние годы она основательно изменилась, стала другой. Если раньше мы с трудом доставали (словечко из лексикона времен социализма) билет в Большой театр, «Современник» или в Театр на Таганке, то теперь можно практически попасть куда только пожелаешь, были бы деньги.

ГУМ. Бывало, над ровным гулом возбужденной и усталой толпы пролетал голос: «Гражданка Никанорова, вас ожидают у фонтана». ГУМ стоит на месте, но толпы нет. Спокойно и чинно ходят по огромному магазину немногие покупатели. Вот отдел, торгующий товарами фирмы «Рибок». Юные зазывалы в красных футболках и черных «велосипедках», словно сошедшие с обложки журнала, приглашают сюда посетителей магазина. В ГУМе представлены известные итальянские, французские, английские фирмы. Где же российские? Их нет и в помине.

«Девушка, у вас есть заколки для волос?» – спрашивает у продавщицы дама средних лет. «Только из слоновой кости», – последовал ответ. Мамонты вымерли на Руси давным-давно, слоны, кажется, никогда не водились, значит, и этот пустяк, заколка для волос, – из-за бугра.

На улицах и площадях, в аптеках, метро и магазинах – повсюду суют тебе в руки рекламные листовки. Лекция по дианетике, витамины американского производства, краска для волос, швейцарские часы... Приходи, выбирай, покупай.

Многие мчатся на станцию метро «Спортивная». Там вожделенная ярмарка в Лужниках. Когда-то в народе был популярен такой анекдот (о социалистической системе хозяйствования): «Иностранцы интересуются у советского премьер-министра: «Как вам удается в такой огромной стране учитывать и удовлетворять разнообразные потребности населения в продовольственных и промышленных товарах?» Ответ был емким и простым: «Все товары приходят в Москву, а отсюда каждый увозит то, что ему надо». Так оно и было. В аэропортах и на вокзалах можно было легко обнаружить своих земляков, для сумок и авосек у них не хватало рук.

Теперь есть «челноки». Одни промышляют за рубежом, а другие, как в старое, доброе время, – в Москве, в Лужниках. Там они оптом скупают ходовой товар и продают его на улицах своих родных городов.

Я отправился в Лужники в 4 часа, когда ярмарка сворачивалась. Над спортивной ареной голубело небо. Его подпирали стальные конструкции и краны. Где-то под самыми облаками неспешно и надежно работали монтажники-высотники. Огромная чаша, заполненная до краев светом, – красота, от которой захватывало дух.

Я вернулся на территорию ярмарки и остолбенел: около скульптуры Ленина, у самых его ног, – невиданная мною до той поры грандиозная помойка: куски полиэтилена, картонные коробки, грязь, тряпье. Машины, бульдозеры, мусорщики сгребали весь этот хлам в кучи. Прошло минут двадцать, как закончился дождь. Над ярмаркой поднялись зловонные пары. Тошнотворные грязь и вонь – это тоже Лужники. Такое, к сожалению, тоже запоминается.

Еще одна примета конца 90-х годов: много нищих в Москве, старушки, молодые женщины с детьми. Гнетущее впечатление оставляют парни, покалеченные то ли в Афганистане, то ли в Чечне. Они сидят в камуфляже у дороги в Лужники. Без рук и без ног. На прохо-

жих не смотрят, смотрят упорно, не мигая, куда-то под себя, в землю. За деньги, брошенные в коробку, не благодарят. Видеть этих молодых и беспомощных мужчин нет сил. Нужно иметь холодное, равнодушное сердце.

Старый Арбат. Сюда, в «Букинист», когда-то приходили книгочеи, они часами копались в книжных развалах. Отныне книжное царство в Олимпийском комплексе. Хорошей литературы там не очень много. Все три этажа захламлены «черным пистолетом», эротикой, магией. Было время: миллионными тиражами выпускали в свет речи и сочинения генеральных секретарей ЦК КПСС, постановления партии и правительства. Теперь повсюду криминальное чтиво.

3 июня в «Сатириконе» шел «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана с Константином, естественно, Райкиным в главной роли. Билеты в «Сатириконе» дорогие, буфет дорогой, а гардеробщики молодые и нагло-ленивые: хозяйственные сумки на хранение не берут, не положено. Административный голос, усиленный микрофоном, разносит по всему театру строгое предупреждение: фотографировать и вести съемки во время спектакля запрещается. А вот входить в зрительный зал с авоськами и чемоданами, превращать его в вокзал – это пожалуйста, не возбраняется. Фотовспышка может повлиять на вдохновение актера, выбить его из колеи, а сумка... Ее со сцены не видно, она если и помешает, то только зрителям – путается между ног.

...Константин Райкин в спектакле Леонида Трушкина был таким, каким и полагается быть Сирано, – острословом, умницей, бретером и горячечно влюбленным. Открытый в этой выигрышной роли он, кажется, никаких не сделал. Был убедителен, и только. Яркое впечатление оставили стилизованная музыка Владимира Давыденко и очень красивый, романтически приподнятый финал спектакля (художник Леонид Андреев, художник по свету Анатолий Кузнецов): Сирано де Бержерак отправляется к звездам, растворяется в небе среди звезд.

Театр сатиры 5 июня приглашал на неувядаемую комедию Джона Патрика «Дорогая Памела» в постановке Михаила Зонненштраля. Театр дал этой комедии другое, более интригующее и более точное, пожалуй, название, – «Как пришить старушку». Памела Кронки в исполнении Ольги Аросевой завораживающе проста и обыденна, и в то же время вся она над бытом и его суетой. Я слушал раскаты смеха, раздававшегося в зале, и спрашивал себя: «Почему „Памела“ так популярна? Ведь пьеса эта играна-переиграна». Мне кажется, я нашел ответ: «Джон Патрик написал горькую и умную комедию, в которой воздал должное философии жизнестойкости и доброты. Поскольку сделал он это талантливо, пьесу играют давно, в разных странах и в разные времена».

Из Театра сатиры напрямиком направился на Ленинградский вокзал. Отсюда поездом №20 – в Санкт-Петербург, а там – на Васильевский остров, в Морской порт и на теплоход «Астра-1», в круиз по странам Балтийского и Северного морей.

Легко сказать – в круиз... Два месяца вел переговоры с московским ООО «Фотиния». Сроки переносились. Теплоходы менялись. Сначала было судно с гордым и кратким именем «Русь», потом назвали другое – «Лев Толстой». Это тоже неплохо звучало. Наконец, за несколько дней до отплытия, юные девы из «Фотинии» оповестили: ваш теплоход «Астра-1», все документы на вас переданы в ЗАО «Спутник-круиз». «Астра-1»... Может быть, еще «Астра-9»? Какая-нибудь допотопная посуда «времен Очакова и покоренья Крыма».

6 июня И в Пушкине «Звездно-полосатый»

Первый час ночи. У вагона поезда познакомился с директором круиза Андреем Михайловичем Ермаковым. Он похож на комсомольского функционера. Чистенький, аккуратненький молодой человек в строгом костюме с галстуком. Короткая стрижка. Взор ясных глаз устремлен куда-то вдаль: то ли в светлое будущее, то ли за бугор. Характер у Ермакова, очевидно, нордический, спокойствие – олимпийское. Без этого директором круиза быть нельзя.

Андрей вручил мне вожделенный именной конверт, где лежали в целостности и сохранности заграничный паспорт, туристическая путевка, посадочный талон и еще кое-какие бумаги.

В час ночи поезд тронулся с места. Дорога от Москвы до Питера показалась «мягкой». Не зря этот путь зовут, кажется, бархатным.

Московский вокзал. Над головой трепыхается транспарант. Он приветствует появление в Северной Пальмире Бари Алибасова. Диктор праздничным голосом объявляет, что Алибасову сегодня (т. е. 6 июня) исполняется 50 лет. На привокзальной площади – легковые машины. Из-за них Бари Каримович не слишком заметен. На именинника – производителя сладких пустышек – нацелились видеокамеры. Около него прыгают и стрекочут юные вертихвостки – обыкновенная шоу-суета.

Алибасов, конечно же, велик, кто будет с этим спорить. Но Александр Сергеевич Пушкин – тоже известный человек. Петербуржцы могли бы напомнить себе и приедем, что и у него 6 июня день рождения.

...«Астра-1» отплывала от российских берегов вечером, и потому, чтобы скоротать день, туристов повезли на экскурсию в Царское Село (город Пушкин). Выходим из автобуса под американский гимн. Тут же оркестрик из восьми человек исполняет знаменитый марш «Звездно-полосатый навсегда». Недоумение рассеялось, когда я увидел туристов из Соединенных Штатов Америки. Это их приветствовали музыканты, мы просто приехали в Пушкин одновременно с ними, и на нас никто не обратил внимания.

На лужайке Царского Села, близ Екатерининского дворца, выдувал из флейты божественную мелодию Глюка молодой черноволосый красавец в белоснежной рубашке с бабочкой. Тут же прогуливались дамы и вельможи в париках и костюмах елизаветинской эпохи. Рядом с ними можно было сфотографироваться.

Нам повезло с экскурсоводом. Александр Акимович – учитель истории одной из петербургских школ – не выделялся ни статью, ни хорошо поставленным голосом. Но он был умен, начитан, эрудирован и имел свой взгляд на известные события и монархов.

«В наших учебниках пишут, что когда Нева разбушевалась и вышла из берегов, Петр I бросился в воду спасать женщин и детей. Он простыл, заболел и умер. Пусть будет так. Это выглядит красиво, романтично. Но, возможно, его конец приблизила императрица Екатерина I, которая была ему неверна. Это он, Петр I, заставил Екатерину, бывшую крестьянку, подойти к подносу, на котором лежала отрубленная голова Монса, ее возлюбленного», – замечает Александр Акимович. И потом еще раз вспоминает о великом самодержце: «Много теперь говорят о Янтарной комнате, а ведь стоит вспомнить, как Петр I отблагодарил за нее короля Пруссии Августа. Он подарил ему 200 молодых солдат, лишив их всякой надежды жить на родине и завести свою семью».

Распрощавшись с Александром Акимовичем, мы прибыли на Морской вокзал. Вечерело. Выстоял длинную изнурительную очередь к таможенникам и, наконец, очутился на «Астре-1» в очень уютной комфортабельной каюте. «Астра-1» оказалась достаточно сим-

патичным судном «неограниченного района действия». Был у нее один недостаток – возраст. Теплоход построен в 1965 году на судовой верфи «Угляник» в Югославии.

...Пока шли по Финскому заливу, натыкались на островки гнили и плесени. Справа по борту – Кронштадт. Казалось, он был вымершим. Черные мачты и краны, черные, без огней, дома, черные на воде корабли. Какая-то мрачная декорация из «Летучего голландца».

Не спалось. В 2 часа вышел на палубу. Было светло. Знать, пришли на Балтику белые ночи.

7 июня Под флагом Панамы

Вчерашний ужин, сегодняшние завтрак и обед вызвали переполох у женщин, придерживающихся модных диет. Стало ясно, что шеф-повар «Астры-1» живет и работает на радость гурманам и на погибель всем, кто борется с избыточным весом, холестерином, кто пытается сохранить девичью талию и ведет здоровый образ жизни. Беда была в том, что устоять против соблазнов, обозначенных в меню и появлявшихся на столе, практически было невозможно. Судите сами. Завтрак: сок ананасовый, сыр «Эмменталь», лотарингский пирог с копченым салом, омлет, фаршированный шпинатом. Обед: вино сухое, компот ежевичный, холодная закуска – салат селедочный по-бременски, первое блюдо – консоме «Андалуз», основное блюдо – жаркое из дикого кролика в белом вине, десерт – желе фруктовое со взбитыми сливками и т. д. Собственно, это не меню, а кулинарная поэма. Я поневоле вспомнил изречение доктора из телефильма «Формула любви»: «Ножом и вилкой копаем мы себе могилу». Вспомнил и... стал копать.

После завтрака все туристы по учебной тревоге собрались в музыкальном салоне, каждый со своим спасательным жилетом («Согласно международной Конвенции по сохранению человеческой жизни на море, участие в учебной тревоге обязательно для всех пассажиров»). Там нам показали, как надо пользоваться жилетом, а потом повели к спасательным шлюпкам. И тут, около спасательной шлюпки, меня хватил удар, я сделал важное открытие: оказывается, «Астра-1» плывет под флагом Панамы, а не России. Как патриот, я этого, конечно, не мог стерпеть и обратился за разъяснением к члену экипажа, который нас инструктировал. Он объяснил, что Панама за право использовать ее флаг берет с владельцев судна меньше денег, чем Россия. Еще Либерия достаточно дешево продает свой флаг. Она фактически не имеет своего флота, но если судить по либерийскому флагу, то флот у нее едва ли не самый могущественный. Вот такие пироги. Ответ меня вполне удовлетворил, и я смирился с тем, что временно буду проживать под покровительством Панамы.

Мои соседи по столу москвички Рита (Марго, ей далеко за 40) и Инна (ей за 30) – так они представились. О том, где они трудятся, предпочитают не распространяться. Многие туристы не считают нужным об этом говорить. Тут все ясно: бюджетники (учителя и врачи) круиз «не потянут». Остаются тузы – крупные чиновники областных администраций, генеральные директора (хозяева) фирм и предприятий, бизнесмены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.